

Вечерние сумерки уже окутали виллу, когда Фу Тинчуань вернулся домой. Отложив портфель, он небрежно поинтересовался:

— Где молодой господин?

Управляющий, принимая вещи, расплылся в благодушной улыбке:

— Молодой господин Цзян весь день провел на балконе. Когда я приносил ему полдник, он как раз увлеченно что-то плел.

Фу Тинчуань опустил взгляд, и в его голосе промелькнула тень интереса:

— Всё еще плетет?

— А как же! — Управляющий кивнул. — То расплетет, то снова возьмется. Весь день напролет. Никогда не видел, чтобы молодой господин Цзян относился к какому-то делу с таким прилежанием!

Старик передал портфель подошедшему секретарю, жестом велел отнести его в кабинет, а сам поспешил за господином, который уже направился к лестнице.

В последнее время отношения между ними заметно потеплели. Они постоянно ворковали, любуясь друг другом, — со стороны это выглядело точь-в-точь как сцена из красивой драмы. Управляющий, видя, как долго Фу Тинчуань томился в одиночестве, не мог нарадоваться, что теперь рядом с ним есть спутник, и старался всячески способствовать их сближению.

Правда, по его мнению, мужчина совершенно не умел щадить своего избранника!

Когда старик подавал чай на балконе, он заметил, что Лоло закатал рукава, открыв шею и руки, усыпанные характерными багровыми отметинами. Горничные, убравшие спальню, тоже шептались, что хозяин не знает меры и предается страсти каждую ночь. Управляющий всерьез опасался, как бы такая пылкость не подорвала здоровье юноши.

Поторопившись за Фу Тинчуанем, он негромко заговорил:

— Господин, молодой господин Цзян еще совсем юн, он наивен и чист душой. Вы ведь намного старше его, вам следует больше уступать ему, баловать... и, конечно, беречь его хрупкое здоровье.

Мужчина резко остановился. Его холодный, пронзительный взгляд полоснул по лицу старика.

Он ведь еще ни разу не прикасался к Цзян Лоло.

Могло ли что-то ранить сильнее, чем прямое напоминание о том, что его «жена» неверна ему? Этот старый слуга, оказывается, всё знает, и при этом у него хватает бесстыдства просить его не трогать Лоло.

«Значит, всё нужно оставить тому, другому? — пронеслось в голове Фу Тинчуаня. — Тому мужчине, для которого он плетет этот шнурок? Тому человеку с фамилией Лун?»

Пальцы Фу Тинчуаня непроизвольно сжались в кулаки, но он заставил себя улыбнуться:

— Вы правы.

«Лоло еще мал, он ничего не смыслит. Он не понимает, что вести двойную игру и метаться между двумя мужчинами — это подло. Виноваты лишь те лизоблюды, что окружают его и сбивают с толку, развращая его невинную душу»

Он отвел взгляд от старика и похлопал его по плечу:

— Вы очень предусмотрительны.

Управляющий просиял:

— Это мой долг, господин.

— Спасибо вам. Теперь я знаю, как поступить.

Проводив взглядом Фу Тинчуаня, ушедшего в ванную, старик довольно заулыбался. Ему казалось, что тот стал куда покладистее и вежливее, а значит — повзрослел. С легким сердцем управляющий отправился на кухню.

***

На третьем этаже виллы располагался небольшой балкон. Вдоль перил теснились кадки с редкими цветами, а среди густых кустов розовой плетистой розы висело кресло-кокон.

Цзян Лоло уютно устроился в нем, подтянув ноги. Одной рукой он придерживал шнурок, а другой — маленькие ножницы, сосредоточенно и бережно подравнивая концы. Казалось, работа дается ему с большим трудом: его очаровательное лицо смешно сморщилось, брови

сошлись у переносицы, а зубки слегка прикусили нижнюю губу. В каждом его движении сквозило невероятное усердие.

Именно эту картину застал Фу Тинчуань. Он замер в нескольких шагах, не в силах отвести взгляда.

Лоло был неописуемо хорош — той чистой, первозданной красотой, которая идеально соответствовала эстетическому идеалу мужчины. На юноше был белоснежный домашний костюм из мягкого хлопка, светло-золотистые пряди волос касались уха, а лодыжка, украшенная цепочкой с золотыми кисточками, покоилась на краю кресла.

В лучах закатного солнца, окрасившего облака в нежно-розовый цвет, среди пышных цветов Лоло казался прекрасным принцем из средневековой европейской сказки, сошедшим с полотна старого мастера.

Только вот подарок в руках этого «принца» предназначался другому, и всё его внимание было поглощено вовсе не мужем.

«Тот, другой, будет держать эти ладони в своих, будет ловить взгляд этих чистых глаз... Будет ли его сон слаще от браслета, который Лоло столько раз расплетал и переплетал заново?»

Фу Тинчуань опустил глаза, и его черные ресницы бросили на веки густую тень, похожую на легкое облако. Сердце заныло — тупой, пульсирующей болью, словно в него методично забивали маленькие гвозди.

Мужчина посмотрел на юношу, и его холодный, резкий профиль застыл, точно подернутый инеем.

Он начал завидовать ему.

Тихий, испуганный вскрик Лоло заставил Фу Тинчуаня очнуться. Он в два счета оказался рядом и, опустившись на колено, бережно перехватил руку юноши.

— Что случилось? Ты поранился? — В его голосе звучала неподдельная тревога.

На тонком указательном пальце темнел крошечный порез, из которого выступили две капли крови, похожие на красные жемчужины. Лоло, еще не оправившись от неожиданности, пролепетал:

— Стемнело, я плохо видел... Ничего страшного, мне не больно, сейчас вытру и всё пройдет...

Его слова оборвались на полуслове. Юноша замер, широко распахнув глаза: Фу Тинчуань

поднес раненый палец к своим губам. Влажный кончик языка скользнул по коже, точно найдя место пореза, и медленно слизал кровь.

— Не надо... Грязно же... — Лоло попытался отстраниться, но сильная рука крепко удерживала его.

Щеки юноши обдало жаром. Он сидел в кресле, глядя сверху вниз на Фу Тинчуаня, застывшего перед ним на коленях, и его ресницы мелко подрагивали. Когда мужчина наконец отпустил его руку, Лоло не нашелся что сказать. Он лишь растерянно сжимал палец, глядя на мужа влажными, полными смятения глазами.

Небо темнело. Фу Тинчуань сидел спиной к угасающему закату, и его лицо, наполовину скрытое сумерками, казалось еще более глубоким и аристократичным.

Лоло долго смотрел на него, прежде чем опомниться. Он поспешно отодвинул корзинку со своих колен и, положив на ладонь черный плетеный браслет, протянул его мужчине.

— Фу Тинчуань... красиво?

Мужчина опустил взгляд на украшение, лежащее на нежной, сияющей коже ладони, и едва заметно кивнул:

— Красиво.

Губы Лоло тронула улыбка, а в глазах заплясали искорки:

— Я сам сделал!

Голос юноши звенел от восторга, но на сердце у Фу Тинчуаня становилось всё тяжелее. Его захлестнула горечь. Его жена сделала подарок для другого мужчины, а он сам был лишь свидетелем этой трогательной преданности.

Пальцы мужчины, лежащие на талии юноши, невольно сжались, но Лоло вдруг сам подался к нему навстречу, протягивая руку с браслетом:

— Фу Тинчуань, это тебе!

Фу Тинчуань резко вскинул голову. Глядя в сияющие глаза Лоло, он почувствовал, как в горле встал ком. Ему показалось, что это галлюцинация. Сердце бешено заколотилось, воздух в одно мгновение стал невыносимо тесным.

Мужчина, боясь даже моргнуть, смотрел в это прекрасное лицо.

Юноша сладко улыбнулся и прикусил губу, выглядя немного смущенным:

— Я... я не очень умею, провозился так долго. Он не такой красивый, как те, что продаются в магазинах, так что не смейся надо мной...

Вихрь спутанных, неистовых эмоций захлестнул душу. Фу Тинчуань часто задышал, не веря своим глазам.

«Мне? Это для меня?»

Он медленно поднял руку, и его пальцы, едва заметно подрагивая, коснулись плетения. Нежный голос Лоло звучал для него как райская музыка, заставляя усомниться в реальности происходящего.

— На самом деле я испортил столько шнурков... Если их часто расплетать, они теряют форму и выглядят некрасиво. Ты ведь родился в год Дракона, поэтому я нашел маленького золотого дракончика и повесил его сюда. Просто шнурок выглядел бы слишком скучно...

Заметив застывший, немигающий взгляд, Лоло вдруг засмутился:

— Я знаю, получилось не очень, мне даже неловко дарить такое, но...

Он не успел договорить. Сильная ладонь обхватила его за затылок, и прохладные, властные губы накрыли его рот в глубоком поцелуе.

Фу Тинчуань, всё еще стоя на одном колене, прижал юношу к себе. От близости их тел у Лоло невольно закрылись глаза. Вкус крови смешался со сладостью поцелуя, и мужчина жадно забирал каждый вдох юноши.

Вторая личность Фу Тинчуаня редко теряла контроль над собой. Но сейчас он, казалось, забыл о своей обычной сдержанности. Маска благородного джентльмена была сорвана: в его крови бурлила первобытная жажда обладания, и он больше не хотел казаться хорошим человеком.

Тело Лоло обмякло в его объятиях, руки, лежащие на плечах, стали совсем слабыми... Вечерний ветерок пронесся по балкону, заставив лепестки роз зашелестеть, и юноша мелко вздрогнул от прохлады. Только тогда Фу Тинчуань неохотно отпустил его.

Оранжевое зарево заката окончательно слилось с ночной чернотой. Лоло сидел в кресле, опираясь руками о его края. Его губы распухли, глаза сияли, а лицо, казалось, само излучало мягкий свет. Он застенчиво улыбался мужчине, опустив ресницы, и в свете взошедшей луны

был похож на маленького небожителя, не знающего земных забот.

Сердце Фу Тинчуаня переполнилось нежностью и жаром, а в уголках глаз закипели слезы. Этот маленький небожитель, смотревший на него сверху вниз, пытался любить его. Любить того, кто считал себя ничтожным и недостойным в этой пучине страстей.

Фу Тинчуань поднял голову и, коснувшись плеча Лоло, преданно запечатлел поцелуй на его лбу. Так истинный верующий припадает к стопам своего незапятнанного божества. В этот миг его сердце билось так неистово, словно хотело проломить грудную клетку. Но при этом он чувствовал, что за всю свою жизнь никогда не обретал такого покоя, как сейчас.

Юноша взял браслет и, сосредоточенно склонив голову, застегнул его на запястье мужчины. Он немного полюбовался результатом, поворачивая руку Фу Тинчуаня то так, то эдак, а затем тихо рассмеялся:

— Как раз!

Фу Тинчуань тоже посмотрел на свою руку. Он коснулся плетения пальцами другой ладони, медленно поворачивая браслет на запястье. Его кадык дернулся, и он поднял взгляд на Лоло.

Часто ему казалось, что этот мир призрачен и нереален. Он боялся, что однажды проснется и поймет, что всё это было лишь сном. Но этот браслет стал той самой нитью, что крепко связала его с реальностью.

Наконец-то у него появилось что-то, принадлежащее только ему одному.

<http://bllate.org/book/15808/1433125>